© 2021. В. А. Котельников
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Иоанн Дамаскин и эстетический идеал А. К. Толстого

Аннотация: Несмотря на тот факт, что религиозные темы редки в творчестве А. К. Толстого, образу, жизни и деятельности Иоанна Дамаскина он уделил особое внимание. Это связано с тем, что Толстой воспринимал Дамаскина не только как монаха и аскета, но прежде всего как творческую личность, поэта. В статье показано отношение Толстого к искусству, отмечается продумываемая им параллель между собственной судьбой и житием Дамаскина, роль вступления с восточным колоритом в поэме Толстого «Иоанн Дамаскин», которое соотносится с вынужденным нахождением при дворе самого Толстого. В работе демонстрируется, как поэт продуманно и тонко в размышления Иоанна об искусстве вкладывает собственные суждения, свою теорию искусства и происхождения творчества. Автор статьи, следуя за развитием сюжета поэмы, констатирует, где Толстой несколько отходит от жития Дамаскина, а в каких местах максимально приближается к агиографическому повествованию. Особое внимание в работе уделяется анализу реализации в поэме важнейшего толстовского мотива торжества свободного слова.

Ключевые слова: А. К. Толстой, Иоанн Дамаскин, творчество, теория искусства, религиозное служение, житие, аскетический долг.

Информация об авторе: Владимир Алексеевич Котельников, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vladiko@vk9485.spb.edu

Дата поступления статьи в редакцию: 21.11.2020

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.01.2021

Дата публикации статьи: 22.03.2021

Для цитирования: Котельников В. А. Иоанн Дамаскин и эстетический идеал А. К. Толстого // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 210–223. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-210-223>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 210–223. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 210–223. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Vladimir A. Kotelnikov
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

John Damascene and the aesthetic ideal of Aleksey Tolstoy

Abstract: Despite the fact that religious themes are rare in A. K. Tolstoy's works, he paid special attention to the image, life and work of John Damascene. This is due to the fact that Tolstoy perceived Damascene not only as a monk and ascetic, but above all as a creative person, a poet. The article shows Tolstoy's attitude to art, notes the parallel he thought out between his own fate and the life of Damascene, the role of the introduction with an oriental flavor in Tolstoy's poem "John Damascene," which corresponds to the forced presence at the court of Tolstoy himself. The work demonstrates how thoughtfully and subtly the poet puts his own judgments, his theory of art and the origin of creativity in John's reflections on art. The author of the article, following the development of the plot of the poem, states where Tolstoy somewhat deviates from the life of Damascene, and in which places he approaches the hagiographic narrative as much as possible. Particular attention is paid to the analysis of the realization in the poem of Tolstoy's most important motive for the triumph of free speech.

Keywords: A. K. Tolstoy, John Damascene, creativity, art theory, religious service, living, ascetic duty.

Information about the author: Vladimir A. Kotelnikov, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova st. 4, 199034, St. Petersburg, Russia.

E-mail: vladiko@vk9485.spb.edu

Received: November 21, 2021

Approved after reviewing: January 17, 2021

Published: March 22, 2021

For citation: Kotelnikov, V.A. "John Damascene and the aesthetic ideal of Aleksey Tolstoy." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 210–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-210-223>

В круг главных творческих интересов А. К. Толстого религиозные темы не входили. Он обращался к ним обычно или в связи с историческим материалом (как в драматической трилогии, в «Песне о походе Владимира на Корсунь»), или с намерением извлечь сильные художественные эффекты (поэма «Грешница»). В Церкви, в монастыре он не находил предметов для поэтической разработки. Аскетика, подвижничество представлялись ему замкнутыми в себе и чуждыми жизни, хотя он был знаком с наследием Отцов и Учителей Церкви.

Однако деятельность преподобного Иоанна Дамаскина вызвала у него исключительный интерес. Чем это объясняется? Тем, что Толстой воспринимал Иоанна как поэта, чья свободная песнь восторжествовала над теснотой и несвободой существования, над ограниченностью суровой аскезы, и при этом не порывала с религиозно-нравственным служением монашества.

Дамаскин, наряду с богословскими и полемическими сочинениями, сыгравшими большую роль в разъяснении православного вероучения и в победе иконопочитания, выступил, согласно церковному преданию, как автор (и соавтор) церковно-служебных произведений, выдающихся по возвышенному духовному строю и по великолепию языка и стиля. Он недаром был прозван «Златоструйным»: с его именем связывают ряд песнопений Октоиха, Пасхальную службу, каноны на Рождество Христово, на Богоявление, на Вознесение Господне, на Преображение, на Благовещение, Успение, знаменитые погребальные «самогласны» и антифоны. Г. В. Флоровский считал, что его влияние на Востоке «в богослужебной поэзии было решающим, чувствуется оно и на Западе» [Флоровский: 230].

Иоанн обосновался (вероятно, около второго десятилетия VIII в.) в Лавре Саввы Освященного в Иудейской пустыне, где вел подвижническую жизнь, одновременно занимаясь созданием богословских трудов и церковных песнопений. Он выступил самым сильным противником

иконоборчества, за что Церковь прославила его «глашатаем истины». Главным его сочинением на эту тему были «Три защитительные слова против порицающих святые иконы».

Толстой был убежден, что искусство является одной из высших форм духовной жизни, что способность к нему дарована Богом и что свободное творчество, содержание которого есть красота и правда, так же важно, как и религиозное служение, и никто и ничто не должно такое искусство ограничивать. При этом иконопись он считал видом живописного искусства и ценил Дамаскина как ее защитника и поборника. Примеры поэтического творчества Св. Отцов и Учителей Церкви — а таких примеров немало в наследии Симеона Нового Богослова, Ефрема Сирина и других — укрепляли его в этом убеждении. Изображая в поэме драматический эпизод жизни Иоанна Дамаскина, Учителя Церкви и поэта, Толстой хотел показать святость его дара и дела.

Несомненно присутствие у Толстого и автобиографического мотива, что тогда же было замечено Н. С. Лесковым и сказано И. А. Шляпкину: «В “Иоанне Дамаскине” поэт изобразил самого себя» [К биографии: 112].

Как и в балладе «Слепой» (1873), в стихотворении «Б. М. Маркевичу» (1856) Толстой предъявляет в поэме эстетическую декларацию. Но здесь она дана не только в идейных формулировках. Вес и убедительность ей придает весь сложный массив повествования, включающего агиографический сюжет, гимноподобные фрагменты, в которых голос автора сливается с голосом Иоанна, церковно-служебные тексты.

Источником главных, по замыслу Толстого, эпизодов поэмы, как показывает сопоставление текстов, было житие Иоанна Дамаскина, изложенное митрополитом Димитрием Ростовским и входящее под 4 декабря в его «Четыи Минеи».

Однако в начале поэмы Толстой создает детализированное с точным колоритом и отсутствующее в житии описание обстановки, в которой пребывал Иоанн при дворе халифа, и на этом фоне начинается рассказ о духовном томлении героя и разворачивает исполненный романтической патетики диалог между певцом и правителем. Вполне очевидна автобиографическая отсылка: тяготившее Толстого официальное положение при Дворе, стремление освободиться от него и предаться творчеству, объяснения с Александром II по этому поводу.

Он счастлив был бы и убогий,
Когда б он мог в тиши лесной,
В глухой степи, в уединенье,
Двора волнение забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитве, песнопенью.
[Толстой 1: 256]

И транспозиция мотива, который уже давно переживался Толстым и вскоре был прямо изложен в его письме к Императору:

О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!
[Толстой 1: 257]

Так, в августе или сентябре 1861 г. Толстой обращался к Александру II (письмо написано по-французски): «Мои сомнения и колебания я изложил моему дяде в письме, с которым он Вас познакомил, но так как он еще раз подтвердил мне принятое Вашим Величеством решение, я подчинился ему и стал флигель-адъютантом Вашего Величества. Я думал тогда, что мне удастся победить в себе натуру художника, но опыт показал, что я напрасно боролся с ней. Служба и искусство несовместимы, одно вредит другому, и надо делать выбор. Больше похвалы заслуживало бы, конечно, непосредственное деятельное участие в государственных делах, но призвания к этому у меня нет, в то время как другое призвание мне дано. Ваше Величество, мое положение смущает меня: я ношу мундир, а связанные с этим обязанности не могу исполнять должным образом» [Толстой 5: 139].

Именно для этого и понадобилось «восточное» вступление в поэме, придуманное автором, никаких данных для него в биографии Иоанна нет.

В отличие от жития, Толстой кратко упоминает о выступлении Иоанна в защиту иконопочитания, не передает житийный рассказ о его борьбе против «зверонравного царя» Льва Исаврянина, об интриге последнего, в результате которой халиф повелел отсечь Иоанну руку, а Богородица чудесным образом исцелила ее. Затем халиф раскался в своей жестокости, просил прощения и хотел еще более воз-

высить Иоанна, но тот «падъ на ноги князю, моляше его надолзѣ, да отпустить его от себе, и не возбранить ему отити в путь, аможе душа его желаетъ, яко да послѣдствуетъ Господу своему со отвергшими-ся себе, и приѣмшими яремъ Господень иноками». Халиф не отпускал его, но «Іоаннъ, аще и нескоро, обаче добрѣ умоливъ князя, и дарована бысть ему свобода, да еже угодно ему есть, то творить»¹.

Несколько мягче, чем у Толстого, выглядит в житии объявленное явившемуся в монастырь Иоанну аскетическое послушание, причем примечательно, что старец обосновывает его не только святоотеческим авторитетом, но и ссылкой на греческого мудреца: «Молчаніе имѣй с разсужденіемъ: вѣси бо, яко не точію наши любуудрцы молчанію учат, но и Пиагоръ оученикомъ своимъ многолѣтное молчаніе завѣщааетъ».

Не упускает Толстой случая среди приписанных Иоанну суждений об искусстве вставить собственные суждения о нем.

Дамаскину, конечно, не могло принадлежать такое определение природы и источников творчества:

То все одно лишь отраженье,
Лишь тень таинственных красот,
Которых вечное виденье
В душе избранника живет.

[Толстой 1: 258]

Это излюбленная мысль самого Толстого, который, создавая свою теорию искусства и происхождения творческого акта, мифологизировал в романтическом духе учение Платона об эйдосах вещей и населял сверхчувственный мир прямыми прообразами искусства, постигая которые в творческом экстазе, художник материализует их, воплощает их в своем произведении. Такую теорию Толстой развивал в программном стихотворении «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..» (1856).

¹ <Димитрий Ростовский, свт.> М<еся>ца Декемврія в Д<4> день, Житіе преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина // <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. На три мѣсяца вторыя, еже есть: Декемврій, Іаннуарій и Февруарій. Кіев: Кієвопечерская Лавра, 1764. Л. 30.

Но затем образ Иоанна возвращается в русло гимнографического его призвания, обращенного к божественному источнику вдохновения:

О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отвержайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

[Толстой 1: 261]

Но суровый старец пустыни налагает запрет на его «восторженное слово», что становится трагедией для Иоанна, неудержимо влекущего-ся к поэзии, которая несовместима с аскетическим долгом.

Обреченный на молчание Иоанн переживает его как смерть:

Погибни, жизнь! Погасни, огонь алтарный!
Уймись во мне, взволнованная кровь!
Свети лишь ты, небесная любовь,
В моей ночи звездой лучезарной!
О мой Господь, прости последний стон,
Последний сердца страждущего ропот!

[Толстой 1: 264]

Тут (как и в ряде других мест) Толстой выходит за границы житийного жанра, хотя вообще подобная коллизия может вписываться в сюжет борьбы аскета с одержимостью некоей страстью. Но Иоанн в излагаемых автором стенаниях о своем погибшем даре превращается из воспитанного аскетической дисциплиной монаха в романтического певца, который насильственно подчинен власти старца, и «уставные слова и заученные молитвы» не могут угасить в нем палящую жажду

песнопенья. В нем «мятется сердце непокорно»; погребенный со своим даром в монастыре, Иоанн в отчаянии:

Юдоль, где я похоронил
Броженье деятельных сил,
Свободу творческого слова,
Юдоль молчанья рокового.

[Толстой 1: 266]

Это толстовский реквием по свободе творчества, которую он на разные лады воспекает в поэме.

Не без причины, хотя и не без преувеличения, тридцать лет спустя А. Н. Майков эпиграммой откликнулся на эту тенденцию, уловив слабость эпического начала в произведении и черты поэтической условности в образе Иоанна:

Вот Дамаскин Алексея Толстого — за автора больно!
Сколько погублено красок и черт вдохновенных задаром.
Свел житие он на что? На протест за «свободное слово»
Против цензуры, и вышел памфлет вместо чудной легенды.
Всё оттого, что лица *говорящего* он не видал пред собою...

[Майков 2: 353]

Ближе всего к житийному рассказу (вплоть до совпадения отдельных слов и выражений) те главы поэмы, в которых повествуется о просьбе брата умершего инока сочинить «умилную песнь», о создании ее Иоанном, о гневе внезапно явившегося старца.

Стоит привести эту страницу из «Четий Миней», где появляются психологически тонкие и точные подробности, импонирующие светскому писателю.

По времени же черноризецъ нѣкій от лавры тоя преставися ко Господу, бѣ же у него по плоти братъ, той оставшиися единъ по братѣ своемъ, плакаше по немъ неутѣшнѣ. Утѣшаше же его Іоаннъ многими словесы, но не возможе утѣшити уязвленнаго безмѣрною по братѣ печалію. Таже плача нача просити Іоанна, да во утѣшеніе и ослабу печали его надгробную нѣкую умилную пѣснь ему напишетъ. Іоанн же отрицашеся, бояся,

да не преступить заповѣди старца, иже заповѣда ему не творити ничтоже без повѣлѣнія своего, но сѣтующій братъ стужаше ему зѣлнымъ моленіемъ, глаголюще, вскую не помилуеши скорбную душу, и не подаси малыя нѣкоторыя цѣльбы великимъ сердечнымъ болѣзнями; аще бы еси врачъ тѣлесный, и случилася бы мнѣ нѣкая болѣзнь тѣлесная, и молилъ бы тя, да врачуеши мя, ты же могій врачевати презрѣлъ бы мя, и умеръ бы азъ от тоя раны, не далъ ли бы еси о мнѣ отвѣта Богу, яко могуще мя уврачевати презрѣлъ еси: нынѣ же болшею стражду болѣзнію сердечною, и ищу врачевства малаго от тебе, ты же мя презираеши, и аще от тоя печали умру, то не воздаси ли множайшаго отвѣта о мнѣ Богу. <...> Таковыми словесы преклоненъ Іоаннъ, состави пѣсенныя надгробныя тропари сія¹.

У Толстого сцена представлена так:

...один черноризец,
Пал на колени пред ним и сказал: «Помоги, Иоанне!
Брат мой по плоти преставился; братом он был по душе мне
Тяжкая горестъ снедает меня; я плакать хотел бы —
Слезы не льются из глаз, но скипаются в горестном сердце.
Ты же мне можешь помочь: напиши лишь умильную песню,
Песнь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
Мог я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!»
Кротко взглянул Иоанн и печально в ответ ему молвил:
«Или не ведаешь ты, каким я связан уставом?
Строгое старец на песни мои наложил запрещенье». —
Тот же стал паки его умолять, говоря: «Не узнает
Старец о том никогда; он отсель отлучился на три дня,
Брата ж мы завтра хороним; молю тебя всею душою,
Дай утешение мне в беспредельно горькой печали!»
Паки ж отказ получив: «Иоанне! — сказал черноризец, —
Если бы был ты телесным врачом, а я б от недуга
Так умирал, как теперь умираю от горя и скорби,

¹ <Димитрий Ростовский, свт.> М<еся>ца Декемврія в Д <4> день, Житие преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина // <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. На три месяца вторыя, еже есть: Декемврій, Іаннуарій и Февруарій. Киев: Киевопечерская Лавра, 1764. Л. 31 об.

Ты ли бы в помощи мне отказал! И не дашь ли ответа
Господу Богу о мне, если ныне умру, безутешен?»
Так говоря, колебал в Дамаскине он мягкое сердце.
[Толстой 1: 267]

Боящемся нарушить запрет старца Иоанну вещает голос из небесных сфер, как вещал Бог усомнившемуся Иову. Реминисценцией из Книги Иова (особенно в двух последних строфах) Толстой указывает на высшую санкцию творчества, что было главной его идеей в поэме:

Над вольной мыслью Богу неуютны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!
[Толстой 1: 267]

Иоанн возвращается к песнопенью и сочиняет замечательный тропарь на отпевание усопшего монаха.

Перед Толстым возникла трудная для светского поэта задача: придать поэтическую форму церковно-служебному тексту, не вступая при этом в противоречие с подлинным каноном. Толстой прекрасно справился с этим, воссоздав необходимый в эпизоде отпевания почившего монаха текст тропаря.

В чинопоследование православного отпевания входят песнопения Иоанна Дамаскина – в частности, стихиры (самогласны), гласы 1–8.

Сравним фрагменты текстов Иоанна и Толстого.

В гласе 1: «Кая житейская сладость...», у Толстого: «Какая сладость в жизни сей / Земной печали непричастна?»; в гласе 4: «...где есть злато и серебро; где есть рабов множество и молва. Вся персть, вся пепел, вся сень», у Толстого: «О братья, где серебро и злато, Где сонмы многие рабов? <...> Все пепел, дым, и пыль, и прах, / Все призрак, тень и привиденье»; в гласе 5: «...и паки рассмотрих во гробех, и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник», у Толстого: «Средь груды тлеющих костей / Кто царь, кто раб, судья иль воин? Кто царства Божия достоин / И кто отверженный злодей? <...> Среди неведомых гробов / Кто есть убогий, кто богатый?»; в гласе 6: «Тем же, Христе, раба Твоего во стране живу-

щих и в селениях праведных упокой», у Толстого: «Прими усопшего раба, Господь, в блаженные селенья!».

Н. С. Лесков из произведений любимого им Толстого особо выделял «Иоанна Дамаскина». Как вспоминал сын писателя А. Н. Лесков, в домашнем кругу отцом «едва ли не в самом торжественном стиле распевно читался толстовский Дамаскин» [Лесков 1984. 2: 90]. А цитировалась поэма писателем многократно по самым разным поводам, не только литературным, но и очень личным, каковым была для Лескова тема смерти, — например, в письме к А. С. Суворину от 30 декабря 1890 г.: «Помните, как у Алексея Толстого: “меня, как хищник, низложила”. Так все и отлетит прочь — все мечты и упования»¹. К поэме он обращался и в своих произведениях; причем в рассказе «Интересные мужчины» (1885) в эпизоде отпевания покончившего с собой героя стихи из написанного Толстым тропаря исподволь предстают как песнопение самого Иоанна Дамаскина, «его поэтический вопль», который «и жжет и заживляет рану» [Лесков 1958. 8: 97–98].

Приводимые в житии огрублено-бытовые подробности наложенной старцем на Иоанна унижительной епитимьи в поэму не перенесены, подчеркнуто только смиренное приятие Иоанном повелений старца.

Речь явившейся старцу Богородицы Толстой действительно передает сокращенно, но сохраняет и развивает главное для него уподобление, относящееся к песнопениям Иоанна: песня как животворящая вода, свободно истекающая из души творца в мир.

«Почто ты гонишь Иоанна? —
Она монаху говорит. —
Его молитвенные звуки,
Как голос неба для земли,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.
<...>
Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину, —
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!»
[Толстой 1: 274]

¹ ПД. Ф. 268. № 131. Л. 200.

Признание вразумленным свыше старцем вины перед Иоанном за несправедный запрет и благословение на песнопение излагаются в сходных выражениях в житии и в поэме, тем самым Толстой, опираясь в авторитетном источнике на прочное религиозно-моральное основание, создает в двенадцатой главе гимн свободному творчеству, прославляющему Бога и мир.

Здесь голос автора, как будто обращенный к Иоанну, включает в себя и обращение певца к самому себе, в ходе развития мотива из 150 псалма «Все дышащее да хвалит Господа». Но здесь же излюбленный толстовский мотив торжества свободного слова сопровождается невозможным в устах монаха Дамаскина уничижительным именованием его послушания запрету старца: «коснения долгая плеснь».

Вспой же, страдалец, воскресную песнь,
Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла коснения долгая плеснь,
Воскресло свободное слово!

Того, Кто оковы души сокрушил,
Да славит немолчно создание!
Да хвалят торжественно Господа Сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,
И всякое в мире дыханье!

[Толстой 1: 275]

И в завершении поэмы все-таки торжествует эстетика с ее непременным у Толстого апофеозом «речи свободной», в сущности независимо от того, чья это речь: монашествующего гимнографа или светского поэта, пишущего на религиозные темы:

То славит речию свободной
И хвалит в песнях Иоанн,
Кого хвалить в своем глаголе
Не перестанут никогда
Ни каждая былинка в поле,
Ни в небе каждая звезда!

[Толстой 1: 276]

Список литературы

Источники

К биографии Н. С. Лескова. Из дневника И. А. Шляпкина // Русская старина. 1895. № 12. С. 205–215.

Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984.

Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева и др. М.: Гослитиздат, 1956–1958.

Майков А. Н. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. 576 с.

Толстой А. К. Полн. собр. соч. и письма: в 5 т. / гл. ред. В. А. Котельников. М.: РИЦ «Классика», 2016–2018.

Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV–VIII веков. Париж: [б.и.], 1933. 260 с.

References

“K biografii N. S. Leskova. Iz dnevnika I. A. Shliapkina” [“To the biography of N. S. Leskov. From the diary of I. A. Shlyapkin”]. *Russkaia starina*, no 12, 1895, pp. 205–215. (In Russ.)

Leskov, A. N. *Zhizn' Nikolaia Leskova po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisiam i pamiatiam: v 2 t.* [*The Life of Nikolai Leskov Based on His Personal, Family and Non-family Records and Memories: in 2 vols.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. (In Russ.)

Leskov, N. S. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [*Collected Works: in 11 vols.*], ed. by V. G. Bazanov, B. Ya. Bukhshtab, A. I. Gruzdev. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956–1958. (In Russ.)

Maikov, A. N. *Sochinenia: v 2 t.* [*Works: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1984. 576 p. (In Russ.)

Tolstoi, A. K. *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma: v 5 t.* [*Complete Works and Letters: in 5 vols.*]. Moscow, RITs “Klassika” Publ., 2016–2018. (in Russ.)

Florovskii, G., prot. *Vostochnye ottsy IV–VIII vekov* [*Eastern Church Fathers of the 4th–8th Centuries*]. Paris, 1933. 260 p. (In Russ.)